

Карты итальянского Возрождения: сколько Каспийских морей может вместить в себя картографическое пространство?

Светлана ГОРШЕНИНА,
Национальный центр научных исследований Франции

1. «Конструирование» Центральной Азии в истории картографии развёртывается вокруг Каспия, которое изображают то Гирканским заливом мирового океана, то закрытым морем, но всегда сохраняя за ним роль центрального элемента региона.

2. Привычные для нас контуры Каспия не сразу появились в таком виде на картах. Начиная со свидетельств античных авторов, контуры Каспийского моря вызвали многочисленные дебаты, особенно в Италии эпохи Ренессанса, при анализе которых можно обнаружить, что организации географического пространства Центральной Азии была подчинена различным системам отсчёта, нередко существующим в едином времени.

3. Кристаллизация образа Каспийского моря проходила на стыке различного рода информации, которая пересекаясь, наслаиваясь и противореча друг другу, заставляла картографов менять линии контура Каспийского моря и его расположение в картографическом пространстве. При этом надо иметь в виду, что картография всегда опаздывает по сравнению с другими источниками.

Источники: античные картографы, присветер Иоан, европейские путешественники, морские карты, мусульманские авторы, география Птолемея.

4. Картография Центральной Азии в том виде, в котором она будет существовать до эпохи Возрождения, восходит к Эратосфену (около 275-194 до н.э.). Этот географ, критически перечитав Гомера и вдохновляясь Дикеархом из Мессины, объединяет сведения, доставленные историками похода Александра Великого, начавшегося в 331 году до н.э., с принципами геометрии Эвклида. К 245 году он предлагает двухмерную графическую концепцию *Центральной Азии*, вписанную в северное полушарие обитаемого пространства и подчинённую двум осям координат. Эта картографическая репрезентация, в котором свободный образ неизвестной земли превращается в собирательный образ, составленный частично из предположений, полных ошибок и заблуждений, переданных непосредственными свидетелями, превращает Каспийское море в залив, открывающийся в Северный океан.

5. Поддержанное авторитетом Страбона (около 64/63 до н.э. - 21 н.э.) это изображение будет, прямо или косвенно, вдохновлять картографов еще долгое время после окончания Средних Веков, оттесняя в тень другую графическую концепцию данного региона, а именно концепцию Клавдия Птолемея (около 90-168 н.э.), согласно которой Каспийское море является закрытым водоёмом.

6. Географическая близость арабо-персидских географов к *Центральной Азии* способствовала разрешению отдельных вопросов, но далеко не развеяла все заблуждения античности: будучи в плену греческих предрассудков, космографические теории арабо-персидских авторов, являясь смесью астрономии, геодезии и астрологии, часто противоречат практическим знаниям, полученным в исламском мире. Тем не менее мусульманские авторы создают свои собственные представления о Каспийском море, которое остается для них огромным и негостеприимным.

Только у географов поколения аль-Истахри (умер в 951 г.), ибн Хаукаль (умер после 988 г.), Мукадаси (умер в 1004 г.) и аль-Бируни (умер в 1050 г.) оно превращается в закрытый водоём. Но благодаря солёности недавно вошедшего в картографию Аральского моря и неизменности его уровня, несмотря на впадающие в него Окс (Джейхун, Гайхун) и Яксарт (Хас, Сайхун, Нахр аш-Шах) географы школы аль-Балхи (умер в 951 г.) решают, что между обоими морями существует подземное сообщение.

7. Начиная с 1154 г., в сводном географическом труде аль-Идриси (1100-1165 гг.) Каспийское море окончательно перестает быть заливом Северного океана; более того, никакой подземный канал больше не связывает его с Аральским морем, получающим воды Амударьи и Сырдарьи. Это описание, соответствующее реалиям X-XIII веков, без изменений повторил в своем словаре Якут (умер в 1229 г.), затем Абульфёда (Исмаил Абу аль-Фида) (1273-1331 гг.). Однако, судя по сделанному последним описанию, истинное очертание берегов Каспийского моря никому неизвестно:

«Хазарское море солёное, несвязанно с другими морями и имеет круглую форму. Эдриси [аль-Идриси] утверждает, что его длина 800 миль, а ширина 600. То есть имеет продолговатую форму ... Другие же говорят, что оно похоже на треугольный парус».

К этим сомнениям следует добавить путаницу, связанную с реками Амударья и Сырдарья (Сухун и Шаш). Если последняя иногда принимается за Окс или считается ответвлением Дуная (например у Масуди), то первую, под названием Джихон (Gihon), постоянно связывают с мифом о четырёх великих райских реках, согласно представлениям общим со средневековыми христианами. И хотя арабы знают её течение практически по всей длине, это не позволяет им определить её истинное положение в пространстве: согласно одним она течёт в направлении то ли Китая, то ли Кирмана, то ли сближается с Индом или Дунаем; что касается других, например ибн-Батуты, они утверждают, что она проходит за Хорезмом (и в тоже время ибн-Батута не говорит, где она заканчивается).

8. Схематический образ *Центральной Азии* в средневековой картографии

О-Т карты. Являясь смесью символизма и реализма, средневековая картография трансформирует мир согласно религиозным доктринам, создавая между географическими объектами соответствующие христианским нормам связи. С учётом этих характеристик бесполезно искать в этом типе представлений отражение реальных географических образов, ибо *Центральная Азия mappaemundi* (средневековые карты мира) является всего лишь отражением воображаемого мира средневековых европейцев. Для них, как и для античных авторов, *Центральная Азия* принадлежит бесконечно далёкому пространству; одновременно она чётко ассоциируется с мифическими существами, типовыми символами пограничной зоны, такими как Александр Великий и народ Гог и Магог. Эти персонажи являются олицетворением двух противоположных сторон границы, чьим материальным воплощением является горная преграда, часто именуемая *Кавказом* или *Тавром*, отделяющая «цивилизованный» мир от сил зла. Согласно картографическим схемам VIII-XIII веков именно «Каспийские врата» (*porte Caspio, portee Caspie, Portas Caspias*) являются единственным доступом в это замкнутое пространство.

9. Каспийское море, будучи ключевым элементом этого замкнутого пространства, представляется, без исключения, в виде залива Северного океана или Скифского моря. По средневековой традиции, восходящей к Солину и Исидору Севильскому, Мировой океан фигурирует в картографии этого времени под различными именами, соответствующими разным частям на полях карты. В северо-восточной части можно, таким образом, обнаружить следующие надписи: *Scythicus oceanus / mare, Caspius, Hyrcanus, Sericus / Sericum*.

На некоторых картах можно видеть несколько Каспийских морей, иногда поименованных, а иногда нет: в замкнутой части *Центральной Азии*, на карте Герфорда указаны два океанских залива, южная оконечность которых имеет форму «сапога» (*caliga*) или «ноги» и её «пятки»; тоже описание мы находим в *Expositio Mappae mundi*. Один из этих заливов эксплицитно называется Каспийским морем (*Mare Caspium*). Он изображается на небольшом расстоянии от *Porte Caspio*, городов серов (*Seres civitas*), Каспий (*Caspia civitas*) и Панда (*Panda, oppidum Sogdianorum*, впервые упомянутый Плинием) и горы *Mons Molans*. Другой залив не имеет названия, но он простирается рядом с Кавказом, Самаркандом (*Samarcan civitas*) и «местом проживания серов-производителей шёлка, по ту сторону пустыни». В этот залив впадает река *Boreus*, которая, согласно *Expositio Mappae Mundi*, должна заканчиваться возле мыса *Boreo*, населённого, по Оросию, скифами и гуннами (карта упоминает также название *Huni Sithé*), а также гирканцами, зажатыми между Кавказом (здесь он ассоциируется с горой *Timavus*-Имай-Гималайя) и устьем реки Бореаль, имя которых дважды повторено на карте – в верховьях Окса с пометкой *Hircani hic habitant* (здесь обитают гирканцы) и возле места впадения Окса в Каспийское море.

10. Кроме того, несмотря на то, что место обитания проклятого народа Гог и Магог, представителя Сатаны, часто ассоциируется с Каспием, иногда рядом с Каспийским морем или непосредственно на его месте размещают и рай, как то можно видеть на многочисленных версиях карты Беата (Béatus) XIII века, в основу которых легла схема 776-786 гг.

11. Всё ещё оставаясь в неведение того, что происходит на Востоке и черпая свои знания из преданий древних, западный христианский мир под влиянием монгольского нашествия начала XIII века вынужден обновить сведения, касающиеся пространства, которое отныне называют *Тартарией*, включающей в себя как известные, так и неизвестные атичным авторам земли. Страх перед *тартарами*, а затем, после 1260 года, снижение вероятности монгольской угрозы благодаря установлению *Pax Tartarica* со свойственным ему религиозной терпимостью, толкают путешественников к ещё неразведанным дальним горизонтам: в поисках удобных перевалочных пунктов на пути в Китай, они прокладывают более короткий и практичный сухопутный маршрут, чем, пока ещё неизвестный, морской путь. Между 1245 и 1345 годами миссионеры, купцы и дипломаты уже из самой Европы, а не выходцы с христианского Востока, вступают в прямой контакт с монголами и получают, таким образом, доступ к важным сведениям о *Центральной Азии*.

12. Возвращение Птолемея в Европу, 13 в.

13. Новые данные остаются недоступными широкой публике и не влекут за собой немедленных изменений, даже в представлениях учёных людей. Кроме того, эти новые данные (а) должны с одной стороны сосуществовать с «реалиями» греко-римских и средневековых географов (б), прочно укоренившимися в картографическом сознании, и, с другой стороны, с возвратом и постепенным принятием ученой элитой представлений Птолемея (в). Основным смыслом истории картографии становится реконструкция зигзагов цепочки, образующей переход между периодом *до* и периодом *после* открытий путешественников, использующих новую топографическую номенклатуру, и между периодом *до* и периодом *после* заново открытого Птолемея, привнесшего новые контуры географических объектов. Этот переход осуществляется в контексте конфронтации трёх «реальностей», которая разворачивается в треугольнике Италии – Каталонии – Португалии, сохраняющих тесные связи с мусульманским миром.

14. Среди карт этого типа центральное место занимают три серии карт, преимущественно венецианского происхождения (Рис. 6). В первую серию входят карты, включённые в труд *Liber secretorum fidelium crucis super Terrae Sanctae recuperatione et conservatione* (Книга тайн рыцарей креста о возврате и удержании Святой Земли) 1306-1321 гг., принадлежащая перу **Марино Санудо**

Старшего, по прозвищу Торселло из Венеции (Marino Sanudo, около 1260-1343 гг.).

15. Часть этих карт, а именно вторая серия, была возможно создана (под контролем Санудо?) Пьетро Весконте (Pietro Vesconte, работал в 1310-1330 гг.), первым профессиональным европейским картографом и автором отдельного географического атласа, подаренного Папе в 1321 г. вместе с трактатом Марино Санудо.

16. Последняя серия карт представлена в двух версиях в трёх томах всемирных хроник, датируемых 1329-1334 гг. и принадлежащих перу францисканского монаха Паулино из Венеции (Paulin de Venise, около 1270/1274-1344 гг.), дипломата, епископа и автора всемирной истории.

Mappaemundi (карты мира) этих трёх авторов, имеющие очертания Средиземноморья, достаточно близкие современным представлениям, и контуры Красного моря, восходящие к картографии аль-Идриси, были снабжены практически идентичным словесным описанием мира. По мнению Натали Булу (Nathalie Bouloux) этот параллелизм может быть объяснён тем фактом, что «Пьетро Весконте составил описание мира для карты, которую заказал Марино Санудо; последний показал её Паулино из Венеции [который числился среди его близких знакомых] и тот её переделал согласно собственным представлениям».

17. Множественность источников

Эти описания позволяют провести анализ источников «ответственных» за появление новой географической номенклатуры и новых контуров географических объектов, неизвестных античным и большинству средневековых географов; эти источники, практически идентичные за редкими исключениями у всех троих авторов, были без сомнения легко доступны между Неаполем, крупными городами Северной Италии и Авиньоном. Среди этих легкодоступных произведений наверняка были описание Востока, сделанное армянином Хетуном (Héthoun), и краткая версия трактата Венсента де Бовэ (Vincent de Beauvais) с отрывками из описаний путешествий Плано Карпини и армянского коннетабля Смба́та (Smbat). Допустимо также и то, что венецианским интеллектуалам было известно о путешествии Рубрука: как указывал в 1944 г. Роберто Альмаджиа (Roberto Almagià), благодаря внутреннему обмену информацией среди братьев ордена Святого Франциска Ассизского новые сведения о Тартарии, привезённые Рубруком, могли дойти до францисканца Паулино возможно через произведения францисканца Роджера Бэкона (Roger Bacon). И наконец, согласно гипотезе, предложенной в 1875 г. Г. Симонсфельдом (Simonsfeld), у Марино Санудо в качестве основного источника возможно были записки Жака де Витри (Jacques de Vitry) (в том числе и *Донесение Давида?*). Помимо этого, в графическом плане очертание Средиземноморья вплоть до Каспийского моря следует традиции компасных карт, тогда как контуры Красного моря явно позаимствованы из круглой карты аль-Идриси.

Именно в этих перечисленных выше источниках следует искать корни нового контура Каспийского моря и новую географическую номенклатуру, впервые появляющуюся на этих картах, как например: *Tartari*, *Porte ferre* (а не только *Caspie Porte*) и *Cathay*. Последние получили известность в Европе под различными орфографическими формами благодаря Плано Карпини, Рубруку, Смбату, Хетуну, Марко Поло и Одорику из Порденоне.

18. Являясь синтезом компасных карт и карты аль-Идриси, карта Марино Санудо-Пьетро Весконтте передаёт заблуждения того времени относительно внутренней части азиатского континента, ибо на ней независимо друг от друга сосуществуют два отчётливо обозначенных под одним именем Каспийских моря. Карта Паулино, на которой ещё лучше заметен контраст между Средиземноморьем компасных карт и Красным морем аль-Идриси, повторяет то же самое заблуждение. И хотя этот принцип не нов в средневековой картографии (карты Беата де Сен-Север [Béatus de Saint-Sever] и Герфорда [Hereford]), умножение Каспийских морей здесь вызвано другими причинами, а именно сочетанием двух типов сталкивающихся между собой сведений: подвергаемых сомнению данных античных авторов и принимаемых во внимание наблюдений современных путешественников.

Если принять во внимание тот факт, что, как пишет Натали Булу, «организация пространства [в эту эпоху] соотносится со списком, в котором каждый элемент расположен относительно соседних», то подобная «матрёшечная география» постепенно начинает «задыхаться» по мере вхождения в одну и ту же алфавитную классификацию современных и античных топонимов без возможности их идентифицировать и отличить друг от друга, распределяя по различным хронологическим периодам (подобное хронологическое «смещение» можно наблюдать у Марко Поло, который описывает *Тартарию*, завоёванную Александром Великим).

Во-вторых, кроме необходимости «встречи с массой накопленных знаний», трудности, связанные с их расположением в картографическом пространстве, возрастают по мере роста противоречий между различными источниками. Не найдя надёжных критериев для выбора между утверждениями двух одинаково достойных авторитетов, мнения которых выглядят внушающими доверия даже несмотря на то, что противоречат друг другу – речь чаще всего идёт о разрешении противоречий между описаниями не всегда согласных друг с другом античных географов и свежими данными, полученными от путешественников, – итальянские картографы выбирают компромиссный путь, ведущий к невозможному синтезу знаний. Они не смеют отвергнуть целиком новые сведения, особенно если они относятся к пространству неизвестному древним, но и принять их безоговорочно, забыв при этом древних, также не представляется для них возможным; в итоге им не остаётся ничего иного, как согласиться с ними частично, добавив и перемешав с античными данными, которые постулируются в качестве наиболее авторитетного источника. Эта мешанина, вызванная желанием достигнуть полноты собираемых сведений для создания отвечающего энциклопедическим требованиям труда, влечёт за собой перегруженность

картографического пространства, создаваемого вне хронологического и пространственного порядка, и, как следствие, ведёт к переполненности карт удвоенным или утроенным картографическим пространством, чтобы суметь на нём разместить все известные и древним и современникам географические объекты. С другой стороны, эта география является географией сомнения, которая, перёд лицом увеличения количества данных и ввиду невозможности провести их критический анализ, оставляет для последующих поколений все имеющиеся варианты.

Это разрушение пространства, порождённое осторожностью по отношению к новому и уважением к установленным авторитетам, позволяет расположить рядом друг с другом два закрытых Каспийских моря, эксплицитно обозначенных этим топонимом, и даже одно дополнительное – третье – обычно игнорируемое при анализе, однако узнаваемое в графической форме анонимного, открытого в Северный океан, залива.

Географический контекст, чтобы соответствовать каждому из этих морей, «размазан» по картографическому пространству. Форма Каспийских морей варьируется между двумя копиями карты Санудо-Весконтте (Vatican и British Library) с идентичным изображением Каспия в обоих случаях, и картой Паулино из Парижа (Paulin de Paris), на которой рисунок западного Каспийского моря и горной сети Азии имеет многочисленные отличия.

19. В ситуации, когда картографы сталкиваются с противоречиями между античными и современными знаниями, трудно восстановить, основываясь на картографических данных, ход рассуждений, направленный на создание компромиссного образа в пользу какого-либо из вариантов оконтуривания Каспийского моря. Его существование наиболее ярко проявляется на уровне литературы, в которой неудобство этой географии сомнения наиболее явственно проявилось у Боккаччо (1313-1375 гг.). Получивший известность благодаря своему *Декамерону*, этот гуманист из Флоренции первым из литераторов заинтересовался географией и стал использовать для её понимания современные источники. Логику его рассуждений с особой ясностью позволяют понять его сомнения, изложенные им в трактате *De montibus, silvis, fontibus, lacubus, fluminibus, stagnis seu paludibus et de diversis nominibus maris* (О горах, лесах, источниках, озёрах, прудах или болотах и о морях, носящих разные названия). Этот географическое произведение в виде перечня с комментариями всех известных географических объектов, расположенных в алфавитном порядке, было написано между 1355 и 1362 гг. и переиздано в Венеции в 1473 г.

В мировоззрении Боккаччо, ссылающегося главным образом на *Этимологию* Исихора Севильского, древние единодушны в отношении Каспийского моря, которое они представляют в виде океанского залива. Он не знает или делает вид, что не знает, о существовании противоречий у самих древних: тем, кто превращает Каспийское море в северный залив противостоят Геродот, Аристотель, Птолемей и их ученики, считающие Каспийское море закрытым морем. Он не обращает также никакого внимания на различия в описании Гирканского залива у Плиния и у Мелы, так как Боккаччо ссылается только на

последнего. Это замалчивание носит возможно преднамеренный характер: согласно Натали Булу, средневековым эрудитам, гуманистам и современникам было труднее выступать против противоречий, вытекающих из разногласий между самими античными авторами, чем решить вопрос о расхождении во взглядах между античными и современными авторами, так как реальные наблюдения и сообщения последних всегда считались более сомнительными, чем *письменные сочинения* античности.

В этом тексте Боккаччо отдаёт приоритет визуальному свидетельству, которое должно гарантировать истину. Остаётся только понять, кто скрывается за обобщающим выражением «современники».

Как считал Манлио Пасторе Стокки (Manlio Pastore Stocchi), возможно, что Боккаччо смешивает между собой рассказ Рубрука и Марко Поло. Рассказ Плано Карпини, переписанный Винсентом де Бовэ, несмотря на то, что он был прочитан Боккаччо и однократно процитирован им, не принимается в расчёт, так как Каспийское море в нём не упомянуто.

Боккаччо оказывается, таким образом, в дискомфортной ситуации: во-первых, он фиксирует античную, лишённую нюансов и упрощённую в том, что касается истории развития идей, точку зрения; во-вторых, он учитывает мнение современников (Рубрук и Марко Поло), которое он повторяет много раз по поводу различных деталей и топонимов; в-третьих, он изучил также современный ему картографический синтез Паулино, решивший проблему традиции двойственного восприятия Каспийского моря и как залива и как закрытого моря путём его утроения (два раза в качестве закрытого моря и один раз в качестве залива) в результате наложения друг на друга различных по характеру знаний.

«Я открыл, пишет Боккаччо, что существует два Каспийских моря: одно находится в середине земель и не имеет никакого сообщения с морем, тогда как другое приближается к Океану, вблизи Скифского океана, и доходит до скифов и гирканцев. Я спрашиваю себя, не небрежность ли переписчиков послужила тому, что из одного моря сделали два. Но я также не хочу из двух сделать одно: посему я кратко опишу то, что известно об обоих».

За этим обвинением, брошенным в адрес переписчиков, стоит отказ от выбора, следы которого, тем не менее, видны. Несмотря на явные противоречия, Боккаччо решает сохранить обе концепции Каспийского моря путём наложения знаний и представлений, которое ведёт к дублированию Каспийского моря под одним и тем же названием. Принимая одновременно античную концепцию *Caspium mare* в виде залива и взгляды современников (Рубрука и Марко Поло) утверждающих, что он является закрытым морем, на севере которого Боккаччо располагает, не уточняя, *caspium mons*, он, таким образом, наносит новый мазок в картографическую картину своих предшественников: вследствие размышлений о закрытом характере этого моря, Боккаччо придумывает *Caspium lacus* (Каспийское озеро), которое он помещает в разделе озёр, увеличивая в результате до четырёх количество Каспийских морей, которое унаследуют следующие поколения (северный залив времён античности, два изолированных моря Паулино и озеро Боккаччо). При невозможности определить критерии, по которым было

бы возможно отделить истинное от ложного, Боккаччо делает следующее пессимистическое заключение:

«Какая из этих точек зрения истинна? Пусть ответят более прилежные, чем я исследователи, ибо я не могу отказать в доверии древним, но и не могу игнорировать свидетельства современников».

Пытаясь объяснить ошибки «объективными условиями», эрудиты, как то следует со слов Петрарки, видят их возможные причины в трёх фактах: противоречия между авторами, наложение друг на друга разнохарактерных сведений различных рукописей, изменение названий. Однако, ключ к разрешению проблемы лежит в ином. В сущности, гуманисты вроде Петрарки и Боккаччо говорят с пессимизмом об определении объекта своих исследований: какой географии отдать предпочтение? современной, используя принятые в современную эпоху названия? или той, которую теперь называют исторической географией? Тем не менее, не сумев дать ясного определения когнитивному значению исторической географии, которая для того, чтобы сделать чтение античных текстов более ясным, должна установить взаимосвязь между античными топонимами и современной ономастикой, то есть идентифицировать между собой номенклатуру различных хронологических пластов, гуманисты предпочитают оценивать все данные в одном и том же пространственном и хронологическом поле.

Можно сказать, что на этот момент приходится начало «научной революции» в том смысле, который подразумевался Томасом С. Куном (Thomas S. Kuhn), когда существующие теории оказываются неспособны объяснить растущее количество наблюдаемых данных и для того, чтобы найти этому объяснение, необходимо придумать другую, более действенную. Однако эта «революция» окажется растянутой на века.

20. Спасибо за внимание